ДАРЬЯ МОСКОВСКАЯ

От Союза советских республик к Союзу советских писателей

Организационный аспект литературного производства 1920–1930-х годов

Да поймите же вы!
Ваша культура для нас оскорбительна!
Из воспоминаний
о С. Кржижановском

Введение

Создание Советского государства — Союза советских республик — осуществилось лишь на пятом году революции. Образование писательского «СССР» произошло спустя двенадцать лет, и столь долгое становление — предмет историко-литературного знания в той его области, которая рассматривает литературный процесс как продукт социальных, культурных, экономических и политических обстоятельств.

Уже в 1913 году В. Л. Львов-Рогачевский приветствовал выдвижение пролетариатом *собственной* стойкой, сильной *интеллигенции*, которая «вышла из массы, а не пришла в массу»[*]. Пророчествуя, он видел в предреволюционном явлении неказистой поэзии и публицистики писателей-самоучек не гибель культуры, а ее «новую черту». В 1919 году во взрыве «творческих сил среди тех, которых называли “низами”», Рогачевский прозревал подлинно *исторический поворот*[**]. Социалистическая революция подтвердила его догадки: «несущие конструкции здания будущего», по удачному

[*] *Львов-Рогачевский В. Л.* Снова накануне. М., 1913. С. 162.

[**] *Львов-Рогачевский В. Л.* Поэзия новой России: Поэты полей и городских окраин. М., 1919. С. 5.

выражению Е. А. Добренко, отныне определяли трудовые рабоче-крестьянские массы. Пролетарские литературные объединения, вобравшие в себя рабкоров-самоучек, графоманов, этот «культурный авангард пролетариата», а с ними комсомольских и партийных функционеров, отвечали духу переходного времени, когда победивший класс требовал на деле обеспечить свое «право на культуру». Борьба за осуществление гегемонии пролетарской культуры, ибо, как утверждал в мае 1924 года Ю. Либединский, «до сих пор мы писали и пишем на чужом языке»[*], — за пролетарскую версию «культурной революции» с новым способом культурного производства, разрушающего «ценности и дискурсы, привычки и пространство повседневности» и утверждающего «новые способы осмысления, привычки и жизненные формы»[**], — одна из ключевых коллизий, образовавших цепочки связей и разрывов, схождений и развилок, которые, с одной стороны, неумолимо вели к объединению в *советской* социалистической культуре, с другой — препятствовали этому единству.

Коллизия первая, обнаруживающая неактуальность общесоюзной советской культуры в условиях, когда победивший класс остался «культурно придавленным»

Набросав в 1923 году в предисловии к «Литературе и революции»[***] схему современной литературы, Л. Троцкий представил ее в виде двух течений: 1) обреченной на гибель внеоктябрьской, дворянско-буржуазной литературы и 2) *«советской»*, демонстрирующей творчество «перелицовывающей себя соответственно новой социальной обстановке» мелкобуржуазной интеллигенции — «попутчиков революции». Пролетарской литературе в этой схеме места не нашлось. Идеолог перманентной революции отводил пролетарию роль разрушителя политических и идеологических структур уходящего строя и строителя экономического базиса для культурной надстройки бесклассового будущего: «Для искусства нужно довольство, нужен избыток, — пояснял он. — Нужно, чтобы жарче горели доменные печи, шибче вращались колеса, бойчее двигались челноки, лучше работали школы»[****]. И потому Троцкий игнорировал факт существования литературы пролетариата как класса, тем более что

---

[*] ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 3. Л. 1.

[**] *Джеймисон Ф.* Марксизм и интерпретация культуры. М.; Екатеринбург, 2014. С. 58.

[***] *Троцкий Л. Д.* Литература и революция. 1923 год. URL: https://knigogid.ru/books/910495-literatura-i-revolyuciya/toread

[****] Там же.

в первые годы нэпа она действительно — особенно проза — еще очень слабо о себе заявляла. В это время на литературной арене блистали писатели, начавшие публиковаться до революции, в большинстве своем выходцы из слоев интеллигенции. 5 февраля 1920 года был учрежден Всероссийский профессиональный союз писателей (ВСП) во главе с Абрамом Эфросом, собравший в своем правлении М. Гершензона, Г. Шпета, Н. Бердяева, Ю. Балтрушайтиса; на литературной сцене блистали писатели и поэты — выходцы из интеллигентской среды; заявили о себе аполитичные «Серапионовы братья»; в обеих столицах свободно издавались сменовеховские литературно-художественные журналы. Что касается пролетарской литературы, то в эти годы она изживала свое пролеткультовское прошлое. Новый этап в ее истории был ознаменован образованием осенью 1922 года комсомольских пролетарских групп «Молодая гвардия» и «Октябрь». В 1924 году ими была обновлена Всероссийская ассоциация пролетарских писателей (ВАПП), потерявшая свою пассионарность в 1922 году и готовая раствориться в попутчиках. В недрах ВАППа был выношен первый журнал марксистской критики «На посту», целиком посвященный борьбе за гегемонию пролетарской литературы на литературном фронте. «Напостовству» предстояло окончательно освободить проект пролетлитературы от организационной и идеологической бесформенности, провозгласить классовый сепаратизм и нонконформизм, которые все годы существования будут определять лицо Ассоциации как частной корпорации, предложившей себя на службу партии.

В отличие от всех других литературных институций, включая ЛЕФ и конструктивистов, творческая программа пролетарских институций интерпретировала литературное творчество в его связях с идеологией и миросозерцанием, с идеей массовости, интерпретируемой как коллективизм: «Смело в “Кузнице” куем / Нашу волю, мысли, чувства:/ Пролетарское искусство/ Коллективно создаем», — писал Н. Дегтярев в 1920 году. Эта программа определила «генетический код» ВАППа:

> Мы объединяемся и строим вместе нашу организацию потому, что мы считаем себя пролетарскими писателями. Мы исходим из общественно-идеологической установки писателя. <...> мы знаем, что, имея дело с новым классовым содержанием, мы получим и новую форму и новый подход к художественной литературе»[*],

[*] *Авербах Л.* Творческие пути пролетарской литературы // На литературном посту. 1927. № 10. С. 9.

Однако в первые годы нэпа появление новых собственно пролетарских художественных форм было благопожеланием: на рынке литературного производства победивший класс, выработав «себе великолепное идеологическое оружие политической борьбы», оставался «культурно придавленным» классом, без навыков творческой деятельности, без «своей особой художественной формы, своего стиля», — как констатировала в 1925 году Резолюция ЦК ВКП(б) «О политике партии в художественной литературе»[*]. В то же время «культурная придавленность» класса-победителя открывала ВАПу перспективу представить себя в роли единственного воспитателя и просветителя трудящихся[**]. Массовые и многонациональные (в 1924 году ВАПП включал Латышскую, Армянскую, Азербайджанскую секции[***]; Белорусская и Всеукраинская АПП существовали автономно от ВАПП) ВАПП и Московская АПП составили яркий контраст Перевалу, ВСП и даже «Кругу». МАПП целиком состоял из рабкоровских и юнкоровских литературных кружков, которыми были охвачены также регионы РСФСР, члены которых, рабочие от станков, участвовали в конференциях с правом решающего голоса.

Между тем глава попутчиков Воронский также взял курс на культуртрегерство — расширение своего влияния среди пролетарского писательского молодняка. «Перевал» переманил к себе талантливых Артема Веселого, Алексея Костерина и др. и добился немалых успехов: журнал «Красная Новь» и издания писательской артели «Круг» пользовались спросом. Авербах утверждал, что «Перевал» как «группа» был создан «Воронским для борьбы с ВАППом». В этом была немалая доля правды. В мае 1922 года решением Оргбюро ЦК Воронский был назначен заместителем Н. Мещерякова — руководителя Политотдела ГИЗа, бывшего одновременно председателем редколлегии издательства, в ведении которого оказалась гражданская цензура: иначе говоря, в руках Воронского сосредоточились значительные материальные, идеологические и властные ресурсы. Усиление Воронского не способствовало поддержке массового непрофессионального пролетарского писателя. Как свидетельствовал Родов:

> «В [19]22 г. <...> ни один литературно-художественный журнал Москвы, а вы знаете, что отсюда начинается

---

[*] Резолюция ЦК ВКП(б) «О политике партии в художественной литературе». URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1925.htm

[**] Подробнее см.: *Московская Д. С., Романова О. В., Бакшаева Н. Ю.* Массовость и «массовизация» в раннесоветском литературном процессе // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 4. С. 10–33.

[***] В Белоруссии и Украине существовали автономные секции.

> борьба, не оставался без непосредственного руководства Воронского или без его контролирующего влияния. Контролирующие организации были в руках Воронского, и он направлял эти журналы и издательства <...> у ВАППа было абсолютное отсутствие средств»[*].

Творчество кружковцев-рабселькоров не интересовало издателей и не привлекало читателей, вследствие чего ВАПП был более чем склонен к грубому «заушанию» своих противников, что закрепилось в его литературных практиках. Родов вспоминал, как шла борьба за первый пролетарский журнал марксистской критики в 1923 году:

> «После конференции (Первая московская конференция пролетписателей, май 1923 г. — *Д. М.*) Б<убнов> нас вызывает и предлагает мне и Лелевичу: “Постарайтесь договориться с Воронским”. Я должен сказать, что ни я, ни Лелевич, ни Безыменский Воронского тогда еще не знали. И вот мы отвечаем: “Пожалуйста”. Мы договорились с Вардиным — он еще не знал об этой борьбе, а он был заведующим подотделом Печати ЦК РКП. Приглашаем на небольшое заседание Воронского. Был там Авербах, редактор в “Молодой гвардии”. Лелевич берет слово и заявляет, что ему предложено договориться о делах. Воронский прочитал тезисы, положил на стол и заявил: “Нет, пока я редактор «Красной Нови» до тех пор этого не будет”. И на этом разговор был окончен. <...> И вот начинается эпоха “На посту”»[**].

Статистика Отдела печати ЦК РКП(б) показывает, что к 1925 году в РСФСР насчитывалось 970 частных и государственных издательств, издававших в первую очередь иностранную литературу, на которую приходилось 38% изданий, затем русскую классику — 13% изданий и попутчиков — 36,5% изданий. Крестьянская и пролетарская литература довольствовалась всего 12% от общей массы книг. В издательском отношении она была изгоем: «Нам не давали печататься, и тогда мы шли с рукописями на заводы... и завоевали рабочего читателя»[***]. Появление в этих обстоятельствах «На посту» было, действительно, переломным моментом на литературном фронте. Политредактором журнала по направлению ЦК трудился заве-

---

[*] ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 46. Л. 10–11.

[**] Первый номер «На посту» вышел в июле 1923 года (см.: ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 46. Л. 8–9).

[***] ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 46. Л. 21.

дующий подотделом печати отдела агитации и пропаганды РКП(б) и один из организаторов ВАППа И. Вардин, что служило отчасти «охранной грамотой» идеологическим активностям ВАППа. Тем не менее не решенный в пользу ВАППа финансово-организационный вопрос оставался частью болезненной проблемы политического веса Ассоциации, коррелирующей с ключевой для него задачей перевода культурной революции с условно эстетических позиций на рельсы идеологической борьбы с буржуазно-интеллигентским инакомыслием и последующим привлечением внимания ЦК к отвернутому Лениным и Троцким проекту пролетарской культуры.

Таким образом, в первые годы нэпа, когда главной задачей государства было сплочение просоветски настроенных сил для восстановления народного хозяйства и ликвидации безграмотности, когда объединение писателей сменовеховской ориентации рассматривалось как помощник партии в агитационно-пропагандистской работе среди выжидающих интеллигентов как внутри страны, так и за рубежом, литература превратилась в арену непрекращающегося раздора между ВАППом и автономией элитарных литературных попутнических групп, символический капитал которых обеспечивал им доминирование в социальном поле, т. е. там, где политические и властные полномочия формально были закреплены за представителями необразованной трудовой массы.

Коллизия вторая, вызванная тем, что организационная активность ВАППа не обеспечила себе поддержку ЦК

Чтобы нейтрализовать высокую символическую и рыночную стоимость писательского профессионализма и вести независимую издательскую политику, ВАППу была жизненно необходима отчетливо артикулированная поддержка политического центра. Ее не было в мае 1924 года, на который пришлось обновление ВАППа: на заседании фракции РКП и РКСМ пленума Правления ВАПП Модзалевский «от имени Отдела Печати ЦК РКП» заявил, «что Отдел печати снимает с себя всякую ответственность за решения Пленума», как не согласованные с ЦК*. Не было ее и год спустя на январском Всесоюзном совещании пролетарских писателей в 1925 году, хотя на совещании в ЦК 9 мая 1924 года давление «напостовцев» носило уже открытый характер**. Закономерно, что вопрос об отношении ЦК

---

* ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 3. Л. 2.

** От редакции [Белая Г. А.] «О политике партии в художественной литературе». Материалы совещания в ЦК РКП(б) 9 мая 1924 года // Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 154–187.

к литературному курсу ВАППа волновал собравшихся, и Вардину пришлось выступить с комментарием:

> «Как обстоит с этим вопросом в ЦК? В ЦК в этом вопросе не разобралось, но все должно было подсказать вам, кому сочувствует ЦК. Конечно, все сочувствие ЦК на нашей стороне. Но официально ЦК еще сторону свою формально не выявляет. Я уже указал на неоднократные факты, которые говорили о том, что в ЦК имеется в этом отношении линия менее благоприятная для Воронского и более благоприятная для нас. <...> Так что вы не поддавайтесь действиям отдельных шептунов и смотрите на то, какую линию фактически ведет представитель Отдела печати тов. Нарбут на нашей конференции»[*].

Однако на деле отношение Политбюро к ВАППу оставалось непроясненным на протяжении всех 1920-х годов. Это объяснялось, как считает К. Аймермахер, прагматическим подходом: партия не только жестко боролась с политическим противником, но также искала союзников среди интеллигентов, поддерживая тех из них, кто был настроен доброжелательно[**]. Институциализация такого явления как писатель-интеллигент сменовеховской ориентации, симпатизант советской большевистской России, была неизбежна, что подтверждает появление в 1921 году первого толстого *советского* журнала «Красная новь», который, как справедливо пишет Р. Магуайр, был открыт «для благожелательных, но целенаправленных коммунистических указаний»[***]. Утверждение в 1922 году на заседании Агитпропа *беспартийного* Общества писателей и поэтов — писательской артели «Круг» обеспечивало, по словам Воронского, возможность «сплочения близко стоящих к нам писателей» и перспективу в условиях свободной торговли «повести идейную борьбу на книжном рынке»[****].

Чтобы понизить символическую ценность «высокой литературы» и писательского профессионализма, «пролетарам» нужно было занять командные высоты в коммуникации с читателем, расположить его к себе. Для этого, как рекомендовал на указанном совеща-

---

[*] ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 49. Л. 11.

[**] См.: *Аймермахер К.* Политика и культура при Ленине и Сталине, 1917–1932. М., 1998. С. 63. С другой стороны, нэповские новобуржуазные интеллектуальные издания сильно обеспокоили власть, и она перешла к решительным действиям.

[***] *Магуайр Р. А.* Красная Новь: советская литература в 1920-х гг. СПб., 2004. С. 53.

[****] *Поливанов К. М.* К истории «артели» писателей «Круг» // De Visu. 1993. № 10 (11). С. 5.

нии представитель подотдела печати ЦК Вл. Нарбут, «прежде всего, нужно овладеть всеми существующими издательствами в области художественной литературы», внедрив в редакции «своих людей», таких, например, как Ф. Раскольников, Д. Бедный, Д. Фурманов, Ф. Жига и др.: количественный перевес пролетарских критиков обеспечит продвижение на книжном рынке пролетарской продукции и обратит гонорарную политику издательств в пользу вапповского творчества. Как сообщил Нарбут, обычная цена за лист колебалась от 70 до 100 руб., но «40 рублей — это нищенская плата», и «я тут слышу (речь идет о записках из зала. — *Д. М.*), говорят — 15 руб. <...> Попутчикам в Госиздате платят много: так, Бабелю — 250 р. за лист, Сейфуллиной — 250 р. за лист, Маяковскому — 2 руб. за строку (в то время как обычная плата — 50 коп.), а Маяковский пишет, как читает — за строку считает слово»[*].

Докладные записки в Отдел печати ЦК с политическими доносами на попутчиков стали одной из ведущих жанров коммуникации ВАППа с политической властью страны. В 1926 году в очередной докладной секретарь комфракции Б. Горбатов жаловался:

> «В литературной критике процветает все что угодно, кроме четкой ортодоксально-марксистской идеологической линии. В то же время такие факты, как одинаковое финансирование Совнаркомом ВАППа и “Круга”, подрывает у нас убежденность в важности нашей работы. ВАППу, имеющему организации во всех губерниях и на всех крупных предприятиях союза, дается столько же денег, сколько и “Кругу”, издательству тех групп писателей, которые и без того по большей части могут найти издателей»[**].

Двойственность позиции ЦК сохранялась и после триумфального открытия ВАППом под своей эгидой Всесоюзного совещания ассоциаций в январе 1925 года, на который прибыли делегаты со всего СССР и были представлены «все направления, все течения пролетарской литературы и все объединения всех национальностей, населяющих СССР»[***]. Двойственность явила себя в акцентировке идеологических промахов Воронского, которую предложил Сталин, курировавший в те годы Отдел печати ЦК, на встрече с делегацией ВАПП 2 февраля 1925 года: Воронский, дескать, не водит попутчиков, а лишь «был водим» ими[****].

---

[*] ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 48. Л. 52.
[**] ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 129. Л. 6.
[***] ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 38. Л. 1.
[****] ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 74. Л. 2–3.

Дело в том, что пролеткультовское прошлое ВАППа было отмечено политической неблагонадежностью. Пролеткульт был санкционирован профсоюзами, требовавшими права на участие в решении политических и государственных вопросов. Первая Всероссийская конференция пролетарских культурно-просветительных организаций в 1918 году поставила вопрос о *боевом союзе* пролетписателей, для которых пролетарская культура есть «новая самостоятельная форма борьбы пролетариата с буржуазией»[*] в отличие от Наркомата просвещения, который «обслуживает все население, все слои государства»[**], и потому проведение им «строго классовой точки зрения сталкивается с затруднениями»[***]. Унаследованное от пролеткультов на генетическом уровне стремление получить эксклюзивное право обслуживания культурных интересов трудящихся масс стало определяющим в отношениях руководства ВАПП с ЦК и Наркомпросом. Так, на майском 1924 года Пленуме правления ВАПП тезис о том, что «партия не может уже в дальнейшем курировать вопросы художественной литературы, поскольку эти вопросы сложны, новы и не разработаны», повторит с мягкими оговорками Вардин[****]: ВАПП осторожно, но последовательно отодвигал партию от руководства культурным строительством.

После подавления в феврале — марте 1926 года на пятой конференции МАПП и Чрезвычайной всесоюзной конференции ВАПП крайне левого, заушательского напостовского крыла, обвиненного в участии в «новой оппозиции», обновленное бюро комфракции ВАППа искало поддержку не в Наркомпросе, где нашел себе пристанище разбитый Пролеткульт, а в Отделе печати ЦК. В очередной докладной записке партийная верхушка ВАППа предлагала себя в качестве исполнительного коллегиального органа Отдела печати — комиссии, определив для себя фронт работ по идеологическому цензурированию литературной продукции и предполагая охватить ею не только художественную, издаваемую государственными, в том числе партийно-советскими и частными издательствами литературу, но также эмигрантскую; не ограничиваясь книгоизданием, она хотела включить в круг идеологического надзора также всю газетную и журнальную периодику от Москвы до Тифлиса, поставить на контроль текущие библиографические обзоры, литературные хроники и даже литературоведческие штудии. Одним словом, ВАПП видел себя в качестве единственного оператора всесоюзного литературно-

---

[*] Протоколы Первой Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций, 15–20 сентября 1918 года. М., [1918]. С. 6.

[**] Там же. С. 27.

[***] Там же. С. 28.

[****] ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 54. Л. 7–8.

го процесса. Одновременно он требовал от Отдела печати для себя особого отношения — функционеры ВАПП бдительно охраняли институциональные границы: «Мы говорили, что будем срабатываться с Отделом печати ЦК. Но нужно суметь нас заставить идти на согласие. Должны быть уступки и с той, и с другой стороны»[*].

Таким образом, организационная активность и политическая самодеятельность, которой отличался разгромленный Лениным Пролеткульт и наследовавший ему ВАПП, скорее диктовавший свои условия Отделу печати ЦК и манипулировавший им, чем выполнявший его указания, не увеличивали шансы Ассоциации стать организатором и руководителем всесоюзного литературного процесса.

Коллизия третья, вызванная конкуренцией на книжном рынке, мешающей созданию разносословной многонациональной советской литературы

Известное суждение о том, что изгибы и повороты литературной борьбы 1920–1930-х годов повторяли виляющую в борьбе с оппозициями «генеральную линию» партии, можно уточнить соображениями институционального самосохранения: изгибы и повороты были следствием острой конкуренции на рынке литературного производства. Зигзагоподобные «маркетинговые» ходы ВАППа от альянсов с Лефом и ЛЦК против Воронского до попыток автономизации поля пролетарской литературы с отказом от федерирования, сменившихся чрезвычайной активностью по созданию Федерации объединений советский писателей (ФОСП), объясняются ясным пониманием, что в условиях рыночной экономики главным признаком гегемонии на литературном фронте может быть только читаемость произведения («главенствующее влияние на читательскую массу», «преобладающий спрос» и проч.)[**], обеспечить которую в конкуренции с профессиональными писатели ВАПП не мог: по справедливому замечанию Э. Брауна, «попутчики по своему образованию, общей культуре и художественным достижениям намного превосходили борющихся пролетариев (пасынков культуры)»[***]. Необходима была *политическая* победа над законными ее «наследниками».

Инициатива создания ФОСП исходила от ВАППа, поддержанного Отделом печати, и была ответом на Резолюцию ЦК РКП(б)

---

[*] ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 125. Л. 39.

[**] *Авербах Л.* Культурная революция и современная литература // На литературном посту. 1928. № 13–14. С. 8.

[***] *Brown E. J.* The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928–1932. New York: Columbia University Press, 1953. P. 49.

1925 года «О политике партии в области художественной литературы», призвавшей к объединению на общей платформе писательских союзов. Организационно-оформительский этап занял период с 10 декабря 1926 по 21 ноября 1927 года, год 10-летия революции, когда состоялось торжественное открытие ФОСП. Одновременно совершалось другое важное событие — съезд «друзей России», революционных писателей, которые собрались 15 ноября, также в Москве, на Первой Международной конференции пролетарских и революционных писателей. Главным достижением конференции МОРП было установленное ею «организационное начало»: связь МОРПа с ФОСП и курирование ФОСПом МОРПа через учреждаемые журналы «Вестник иностранной литературы» (1928–1930) и «Литература мировой революции» (1931–1932 годы), которые должны были работать в «глубоком контакте с ФОСП». Эти два торжественных форума, следовавшие один за другим с интервалом в 6 дней, манифестировали наступление нового этапа в советском литературном процессе, суть которого в преодолении социальной классовой розни между интеллигенцией и пролетарями в том числе и в сфере международного и межнационального взаимодействия. Эти установки и ожидания нашли отражение в речи наркома просвещения А. Луначарского на торжественном открытии ФОСП:

> «...нельзя отрицать того, что наша литература довольно разнолика. <...> Это не может не определять собой, говоря даже с чисто теоретико-социологической точки зрения, разные тенденции, линии, которые идут в несколько различные стороны. <...> у нас есть писательские группы, выросшие в других условиях и отражающие в некоторой степени предыдущую эпоху <...> если это неизбежно, то и неплохо. <...> было бы плохо, если бы при наличии в стране различных прослоек, выражений в литературе получилась бы монотонность, ибо это значит, что какая-то прослойка осуждена на молчание. <...> литература должна отражать в рамках этой общей симпатии к социалистическому строительству весьма различные оттенки. <...>. Это делается само собой, и не должно нас пугать. Но положение вещей может идти в разные стороны, если не к большему единству, то к большей сплоченности, к большему единству»[*].

Иначе смысл федерирования виделся комфракции ВАППа. За год до официального открытия ФОСП комфракция ВАПП сооб-

[*] ОР ИМЛИ. Ф. 51. Ед. хр. 3. Л. 5–6.

щила Отделу печати собственное видение организационного устройства и политических оснований единства Федерации:

> «Нужно сделать ударение на том, что работа по созданию из ФСП *подлинного центра всей советской литературы* имеет своей предпосылкой еще большую организационную и *политическую крепость организаций пролетписателей* (курсив мой. — *Д. М.*)»*.

В данное время сообразно этому правление ВАПП проводит проработку платформы по всем ассоциациям пролетписателей <...>. Мы должны заявить отделу печати ЦК, что, как правило, в большинстве нацреспублик далеко не уделяется должного внимания пролетписательским организациям, что практика на местах далеко не всегда приведена в соответствие с резолюцией ЦК (речь идет о Резолюции 1925 года, интерпретированной ВАППом в свою пользу. — *Д. М.*). Подчеркивая необходимость сугубой осторожности в литературной политике в нацреспубликах, специально учитывая особенно трудную обстановку, мы принуждены, однако, констатировать, что именно в нацреспубликах следует обратить внимание на то, что резолюция ЦК не положена там в основу работы.

Особенно угрожающее положение создалось в настоящее время в Закавказье и на Украине.

В Армянской ССР существует АПП, организационно входящая в ВАПП и являющаяся самой сильной литературной организаций в Армении, как в творческом отношении, так и в смысле связи с армянскими рабочими массами. Однако целый ряд ответственных работников настаивает на том, чтобы эту организацию слить с организацией попутчиков “Ноябрь”, и когда наши товарищи против этого хотят протестовать в печати, им не дают возможности этого сделать.

Еще худшее положение мы видим в Грузии, где при попустительстве закавказских Воронских создалась единая “внеклассовая” организация писателей и где ассоциацию пролетарских писателей Грузии хотят превратить в придаток реакционнейшей феодально-буржуазной грузинской литературы.

На Украине распалась, хотя организационно и программно с ними не связанная, но массовая и сильная организация “Гарт”, причем верхушка этой организации, проникнутая националистическими предрассудками, кроме связи с украинской внутренней и внешней эмигрантщиной прикрывалась именами некоторых влиятельных украинских коммунистов, очевидно неправильно ра-

---

* ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 129. Л. 4.

зобравшихся в вопросе, противопоставила себя массовому пролетлитературному движению Украины, создав ВАПЛИТЕ (Вольная академия пролетарской литературы). Идеологическую вредность этой группировки можно в любой момент иллюстрировать материалами ее полемических работ.

Мы считаем, что ЦК должен поставить перед ЦК национальных республик вопрос об организационных выводах из резолюции ЦК от 1 июля»[*].

В заключение автор записки убеждал ЦК передать ВАППу как «по-большевистски настроенной массовой пролетлитературной организации» право проводить в ФОСП «политику руководства и обработки попутчиков»; просил также дать указание «всем т. т. коммунистам, руководящим органами советской печати, пересмотреть линию в духе резолюции ЦК на недопустимость травли нашей пролетарской организации»; «специально разработать вопрос о литполитике нацреспублик, для чего созвать совещание по вопросу о нацлитературах»; «немедленно же указать отделам печати Закавказья и Украины на необходимость <...> поддержки пролетписателей и их организаций»[**].

Итак, несмотря на следующий из Резолюции «О политике партии в области художественной литературы» и озвученный Луначарским призыв к объединению всех писателей страны Советов с сохранением социальных и национальных отличий при общей симпатии к социализму, ВАПП мыслил ФОСП как объединение *пролетарских сил* всех национальных республик, руководство над которым взяло бы на себя политическое ядро пролетарской ассоциации. Стратегические планы ВАППа были для всех очевидны: документы показывают, что ленинградские попутчики из ВСП, первыми выступившие с поддержкой идеи Федерации, отныне были против вступления в ФОСП[***].

Образование ФОСП было уже не первой с момента образования СССР инициированной ЦК и осуществляемой его Агитпропом попыткой создания единой разносословной многонациональной советской литературы.

Первым опытом такого рода была уже упомянутая артель писателей «Круг».

Мысль, что «Круг» был прообразом ФОСП, принадлежит редакции журнала «На литературном посту», писавшего в 1928 году:

---

[*] Резолюция ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 года была опубликована в «Правде» и «Известиях» 1 июля 1925 года // ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 129. Л. 3.

[**] ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 129. Л. 8.

[***] См.: ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 135. Л. 37.

> «Первоначально на “Круг” были возложены примерно те же задачи, которые сейчас осуществляет <...> Федерация. “Круг” должен был <...> объединить советских писателей и <...> обеспечить связь их с пролетарской общественностью. Однако, вследствие крайне правой позиции Воронского, Федерация, по существу говоря, возникла в противовес “Кругу” для того, чтобы, учтя ошибки воронщины, *по-новому объединить советских писателей* (курсив наш. — *Д. М.*)»[*].

Изучивший историю артели К. Поливанов нашел другую аналогию. По его мнению, в «Круге» были «сформулированы те принципы руководства литературой и литераторами, которые спустя десять лет легли в основу организации одного из монструозных порождений большевистского режима — Союза советских писателей»[**]. Той же точки зрения придерживался Б. Фрезинский, писавший, что усилия «литературных вождей» по объединению преданных советскому режиму писателей то под эгидой ВСП, то путем создания нового беспартийного «Общества развития русской культуры» или «Круга» представляли «вариант организации тотального контроля в литературной сфере, причем административная природа и незакамуфлированная конкретность этих предложений поневоле обращают память к соответствующим страницам Замятина и Орвелла»[***].

И все же выстроенные таким образом цепочки уподоблений, «Круга» — ФОСПу и «Круга» — Союзу писателей СССР, требуют разобраться в отличиях этих одинаково инструментальных литературных институций. «Круг» объединял в артель (цех, трест) лояльных советской власти и партии (но беспартийных) писателей-одиночек, пренебрегших своей институциональной принадлежностью, — особенность, для которой нашел точное определение Ю. Либединский: «“Круг” был сборным месивом из обломков всех групп»[****]; в то время как в ФОСП слились мощные и независимые в финансовом отношении литературные организации с продуманными эстетическими программами, способные вести независимую политику и остро ставившие вопрос о принципах федерирования как вопрос о своих правах и свободах. Вот почему подготовительный этап создания ФОСП занял год, с 10 декабря 1926 года, когда начались собрания

---

[*] Передовая // На литературном посту. 1928. № 11–12. С. 1.

[**] См.: *Поливанов К.* К истории «артели» писателей «Круг».

[***] *Фрезинский Б. Я.* Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М.: Эллис Лак, 2008. С. 77.

[****] *Либединский Ю.* К вопросу о личности художника // На посту. 1924. № 1. С. 69.

представителей организаций-учредителей с обсуждением устава и регламента Федерации, по 21 ноября 1927 года, когда, наконец, состоялось торжественное ее открытие. Все это время продолжалась болезненная дискуссия об организационных принципах будущего объединения. Подобная атмосфера не могла обеспечить ни единства литературных потоков, ни управления им, если такую цель действительно хотел реализовать ЦК, занятый в то время внутренними политическими разборками, или пытался осуществить, согласно своему функционалу, Отдел печати.

ФОСП не был похож на «Круг» в силу своей федеративной природы, не был он и прообразом Союза советских писателей, т. к. не стал *прямым* инструментом партии в управлении литературой. Код поведения Федерации в поле культуры определялся Постановлением ЦК от 23 августа 1926 года «О работе советских органов, ведающих вопросами печати», предписавшим Отделу печати проводить партийные директивы через комфракции издательств и писательских союзов. 4 марта 1927 года была создана комфракция ФОСП во главе с секретарем ВАППа А. Фадеевым, даже после разгона Ассоциации в 1932 году декларировавшим верность своей литературной, а не партийной группировке[*]. Заседания комфракции ФОСП, где верховодил ВАПП, стали площадкой, на которых отныне оформлялись идейно-политические задачи и литературные практики Федерации, весомость которых подкреплялась 57 статьей Уголовного кодекса РСФСР о «контрреволюционном действии». Дело Пильняка-Замятина позволило ВАППу от имени ФОСП потребовать проведения совещания в Отделе печати и чистки рядов ВСП: «Разрушать ВСП не имеет смысла. Нужно изменить его, дискредитируя нынешнее руководство, привлекая к этому левых попутчиков и сплачивая их вокруг себя»[**]. Решением комфракции ФОСП старое руководство ВСП 5 сентябри 1929 года было расформировано, а сама организация переименована, став ВССП, Всероссийским союзом советских писателей. Дело Пильняка-Замятина и проверка Ленинградского отделения ФОСП позволила комфракции поставить вопрос об отмене права «вето» организаций-учредителей, упростить структуру ФОСП, заменить Президиум Совета Федерации на Исполбюро и приступить к орабочиванию органов ФОСП.

Таким образом, в годы нэпа вместо ожидаемого Наркомпросом и поддерживаемого Отделом печати ЦК федеративного союза советских писателей, где главным органом управления являет-

[*] Ср.: «Я (Фадеев. — *Д. М.*) старый рапповский волк, и меня видели в литературных драках, и я эту линию провожу и буду проводить неуклонно» // ОР ИМЛИ. Ф. 41 Ед. хр. 14. Л. 28.

[**] ОР ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 2.

ся Совет представителей равноправных членов, ВАПП навязал ФОСПу структуру партийного типа, окрепшую в годы реконструкции, где идеологическое, а с ним и организационное руководство осуществляла комфракция, возглавляемая представителями ВАППа.

Коллизия четвертая.
Между демократическим централизмом и федеративностью

Вопрос о создании многонационального писательского объединения встал впервые в 1925 году на уже упомянутом январском Всесоюзном совещании пролетарских ассоциаций. Тогда организационно-идеологическое основание для объединения было сформулировано представителем Отдела печати Вл. Нарбутом, который отметил, что предыдущий период был

> «периодом кружковым, периодом собирания пролетарских писателей. Сейчас мы после нашего всесоюзного совещания обращаемся в массовую организацию, в массовую и самостоятельную организацию *пролетарских писателей СССР*. Раньше работа была проделана, так сказать, вчерне. Подводя итоги, получаем базу, и мы получаем тот стержень, вокруг которого в дальнейшем будет вращаться *вся работа художественной пролетарской литературы*» (курсив наш. — *Д. М.*)*.

На Всесоюзном совещании 1925 года при поддержке Отдела печати ЦК попытка объединения национальных литератур под знаком «пролетарскости» и под эгидой Всероссийской ассоциации не удалась: национальные различия оказались сильнее классового принципа и наличия массового советского потребителя культурных благ. Представитель украинского Гарта и белорусского «Маладняка» не приняли ВАПП в качестве руководящего центра:

> «<ВАПП> решил, что он может назвать себя всесоюзной организацией, он решил, что он может созвать всесоюзное совещание, он решил, что он может не считаться с Гартом, с белорусской организацией, с такими организациями, которые представляют из себя пролетарскую литературу, но не в русской, а в украинской и белорусской форме. Мы в этом видим также еще не скрытые старые тенденции

* ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 39. Л. 19.

> великодержавные. ВАПП решил созвать съезд — и конченное дело.
> <...> Если будет организован “Всесоюзный центр пролетарских объединений”, то получится старый Пролеткульт, который себя не оправдал и который только будет мешать в работе отдельным республиканским ассоциациям, что будет отражаться на развитии пролетарской культуры в национальных формах, и поэтому мы против единого центра. <...> Какая-то организация, несомненно, должна быть, я не буду говорить о форме ее сейчас, но думаю, что какая-то связь между ассоциациями отдельных республик должна быть. <...> но это не будет единой организацией, центральным комитетом. На это <...> мы не пойдем»[*].

Совещание, не без борьбы объявленное ВАППом Конференцией, чтобы придать легитимность решениям для местных ассоциаций, так и не привело к объединению всесоюзных пролетарских сил. Родов констатировал:

> «Всесоюзная конференция наметила лишь общие организационные контуры, лишь общие рамки, в которые нужно вложить конкретное содержание. Конференция дала нам основные директивы, от которых мы не можем отступать, но необходимо считаться с целым рядом особенностей — национальных, местных и проч.»[**].

Вопрос о принципах объединения сильных и независимых писательских союзов стал по-новому важен в 1927 году после создания ФОСП, когда на очередном Пленуме Ассоциации стал вопрос о тактике национальной политики ВАПП. Свою задачу в юбилейный для Советской власти год ВАПП сформулировал как обеспечение гегемонии пролетарской литературы на всесоюзном фронте и вновь выдвинул себя в качестве главного организатора процесса. Обсуждение тогда вылилось в острую дискуссию по вопросу об организационном строении Ассоциации.

---

[*] ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 38. Л. 3. Из выступления одного из украинских делегатов: «Товарищ Лелевич, если вы не хотите быть великодержавным шовинистом, вы не имеете права бросать нам “петлюровцы” (Шум в зале) <...> Тут похлопывание по плечу — разве это отношение <...> разве это не ликвидация всякой самостоятельности?» (Там же).

[**] *Родов С.* Организационные вопросы пролетарской литературы // На посту. 1925. № 1. Стб. 95.

Авербахом был жестко отвергнут предложенный *федеративный* принцип, предполагающий союз, куда, наряду с Грузией, Украиной, Белоруссией, ВАПП входит на правах одного из федерирующихся членов. Генеральный секретарь требовал для ВАППа управляющих директивных функций: «ВАПП — пролетарская организация и в большей степени направлена на единство, а не к федерализму»[*]. Довод украинской делегации, что для национальных культур политическим куратором являются местные партийные комитеты, подчиняющиеся ЦК, оказался неразрешимой проблемой.

ВАПП попытался вновь решить задачу объединения национальных республиканских пролетарских литератур в 1928 году при создании ВОАППа — Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей. Это происходило 30 апреля — 8 мая 1928 года в Москве, на Всесоюзном съезде пролетарских писателей, собравшем представителей 30 национальностей из созданных ВАППом за эти годы национальных ячеек.

Дискуссия о принципах объединения протекала в двух основных руслах. Первое — сохранение приоритета пролетарской классовой литературы над литературой национально-патриархальной, социально чуждой, для чего требовалась кардинальная переработка культурного наследия прошлого. Авербах в докладе «Культурная революция и современная литература» развивал этот тезис следующим образом:

> «Не только в такой культурно отсталой стране, как Советский Союз, но и в более передовом государстве, везде лозунг культурной революции станет перед пролетариатом на определенном этапе его работы после захвата власти в свои руках. Разница между культурным ростом пролетариата и буржуазии сводится в числе прочего к тому, что буржуазии, когда она брала власть в свои руки, не нужен был лозунг культурной революции, потому что в рамках феодального общества она становилась культурным классом, и когда совершалась революция, все основные культурные предпосылки были подготовлены. Между тем, у пролетариата *положение иное.* В условиях капиталистического общества пролетариат <...> не получает <...> возможности достаточно культурно расти, культурно вызревать.
> <...> Классовая основа искусства предполагает, что задача культурной революции обязательно включает в себя не-

[*] ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 199. Л. 178.

> обходимость переработки культурного наследия» (курсив наш. — *Д. М.*)*

Ссылаясь на мысль Ленина на 11 съезде партии, что с культурой сложнее, чем с завоеванием народом другого народа, он цитировал:

> «ибо *народ, который завоевал власть, может оказаться побежденным, если он культурно слабее*. <...> Сумеем ли мы <...> вести работу так, чтобы она стала на рельсы пролетарской идеологии, чтобы появилась пролетарская культура, чтобы *массы завоевали буржуазную культуру, а не буржуазная культура завоевала массы*» (курсив наш. — *Д. М.*)**.

Вторым направлением дискуссии стал вопрос о принципах объединения ВАППа с региональными пролетарскими ассоциациями. Здесь возникло несколько затруднений.

Первое состояло в том, что ожидаемая резолюция Съезда о содействии развитию пролетарской литературы народов СССР может войти в противоречие с руководящими директивами своего национального партийного органа — например, Пленума ЦК Украины, с постановлением его Политбюро по вопросу существа художественной литературы, где может быть принято право национальных (в частности, украинской литературы) иметь «свои пути развития», «развиваться самостоятельно при братском единении с литературами других народов». Из этого противоречия следовал вывод украинской делегации о том, что

> «ВАПП не может рассматривать себя как единая организация в том смысле, что он должен влить в себя все пролетарские литературы народов СССР, как он сделал это в отношении народов Сев<ерного>. Кавказа, Закавказья, Белоруссии и литературы других народов»***.

Представители украинской делегации напоминали:

> «Дело в том, что в украинских условиях, благодаря прошлым великодержавным тенденциям, которые были у Родова, Валайтиса, и благодаря историческому развитию Украины как колониальной страны <...> у нас среди

---

* См.: *Авербах Л.* Культурная революция и современная литература.

** См.: Там же.

*** ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 278. Л. 1.

> интеллигенции, даже пролетарской, усвоилось недоверие ко всем центростремительным тенденциям, и очень глубокое. Поэтому я думаю, у нас может быть только Федерация. <...> неинтересно, чтобы в ВАПП вошла кучка, интересно, чтобы вошел крепкий общественный и влиятельный сектор. Мы предлагаем Федерацию. <...> Предлагаю сначала установить Федерацию советской литературы, внутри каждой республики, потом федерировать советскую литературу всех республик. Сейчас Украина рассматривает федерацию как поглощение ВАППом, т. к. ВАПП сейчас всесоюзная организация»[*].

С критикой идеи федерации национальных пролетарских литератур выступил Вл. Киршон, обратившись к актуальному опыту ФОСП:

> «У нас, как известно, есть Федерация советских писателей. Почему она имеет смысл? Зачем она нужна? Почему федерация, а не единая организация? Да потому что в ней различные классовые течения. Тут и некоторые попутчики, и буржуазные писатели, входящие в Союз Писателей, и крестьянские писатели, различные классовые прослойки. Нужна ли нам Федерация различных организаций, хотя бы работающих в других областях, но стоящих на той же классовой платформе? Нет, не нужна. Украинцы говорят, что в тех условиях, какие имеются на Украине, украинская общественность, интеллигенция отшатнется от такой организации, потому что, говорят украинцы, вы не заинтересуетесь вопросами украинской национальной культуры, а под руководством русской культуры ведете в ущерб национальным задачам свою линию. Вот мотивировка украинцев. <...> Если создать специфическую национальную организацию, не входящую во всесоюзную организацию, она может привести к тому, что в нашей организации не будет достаточно классовой четкой выдержанной линии, и что не вполне желательные элементы могут участвовать в нашей работе»[**].

Единственным выходом, как представлялось Киршону (в прошлом секретарю пролетарской ассоциации Ростова-на-Дону, теперь секретарю ВАПП), было выделение «в отдельную организацию —

[*] Там же. Л. 5.
[**] Там же. Л. 2–3.

Российской ассоциации пролетарских писателей, затем Закавказской, Белорусской, Украинской. Но чтобы был единый орган, который представлял бы собою единую по классовому принципу организованную всесоюзную ассоциацию писателей»[*].

Таким образом, выделение РАПП позволило решить проблему объединения — решить, однако, не в пользу ВАППа. Последний прекращал свое существование и вынужден был формально отказаться от своих попыток возглавить всесоюзную ассоциацию:

> «ВАПП создает специальную российскую организацию РАПП и из федеративных частей тех республик — доминирующих — создается центральный орган, следящий за литературой народов, помогающий, не руководящий, помогающий проводить единую линию всесоюзной ассоциации пролетарских писателей. Вот мы хотели бы избежать столкновения и хотели бы построить систему Наркомпроса, а не партийного руководства. Если бы мы так построили — это облегчило бы положение Украины и улучшило бы ВАПП, и действительно построило бы крепкую авторитетную организацию»[**].

Новый виток дискуссии обнаружил уже известную проблему ВАППа — степень поддержки его начинаний со стороны ЦК. Еще в начале заседания был озвучен тезис Дмитрия Горбова, прозвучавший на страницах последнего выпуска газеты «Известия», что ВАПП является течением, осужденным партией, что вызвало необходимость доказывать обратное.

Дискуссия о принципах объединения, когда были противопоставлены друг другу «система Наркомпроса», когда «из федерирующихся частей доминирующих республик создается центральный орган, следящий за литературой всех народов», и «партийного руководства» со стороны ВАППа, принципа демократического централизма[***], потребовали вмешательства заместителя наркома Рабкрина СССР А. Криницкого, присутствовавшего на Съезде, который был вынужден взять на себя установление контакта с ЦК Украины для выяснения его точки зрения на инициативы ВАППа, понимая, что «дело организации пролетарской литературы... это дело партии, и поскольку вопрос сложный, [он] грозит взрывом внутри ВАППа»[****]. На заседании Бюро комфракции, проходившем 8 мая

---

[*] Там же. Л. 3.
[**] Там же. Л. 9.
[***] Там же. Л. 9.
[****] Там же. Л. 18.

1928 года, Авербах констатировал создание Российской ассоциации писателей с самостоятельным правлением и организацию Всесоюзного Объединения пролетарских писателей, в которое входят все республиканские ассоциации пролетарских писателей. Создание ВОАППа было принято ЦК по результатам рассмотрения докладной записки заведующего Отделом печати от 7 мая 1928 года:

> «Вместо ВАПП — Всесоюзной Ассоциации пролетарских писателей — теперь будет существовать ВОАПП — Всесоюзное Объединений Ассоциаций пролетарских писателей, куда вошли украинцы и "Кузница", и ассоциации других союзных республик. Таким образом, сделан значительный шаг вперед в деле объединения всех пролетарских писателей»[*].

Коллизия пятая, связанная с тем, что ЦК не нуждалось в посредничестве ВАППа

Как писал П. Бурдье, поле производства культуры в каждый момент своей истории представляет собой поле борьбы между двумя принципами иерархизации: гетерономным принципом, который благоприятствует тем, кто экономически и политически доминирует в поле, и автономным принципом для ищущих «избранничества». ВАПП, всячески педалировавший свою связь с Отделом печати ЦК, ставящий в литературную повестку обслуживание актуальных задач социалистического строительства, парадоксальным образом был склонен к автономии[**] в своем стремлении навязать «свои законы и установить санкции всему ансамблю производителей культурной продукции»[***]. Создание Всесоюзного объединения *советских*

---

[*] Цит. по изд.: «Счастье литературы»: Государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы. М., 1997. С. 55.

[**] «Внутренний (автономный) принцип иерархизации, то есть степень специфической "освященности" [consécration], благоприятствует тем авторам, которых, по крайней мере на первых порах, знают и признают только подобные им же, и которые обязаны своим престижем тому факту, что они не идут на уступки запросам широкой публики», — пишет Бурдье (см.: *Бурдье П.* Поле литературы. URL: http://bourdieu.name/content/pole-literature#_edn7 (дата обращения: 20.05.2022)), напоминая этим определением о характерном для ВАППа «комчванстве», презрении к «массовой бульварной» литературе и педалировании им своего культурного «сиротства», требующего принципиального обновления художественных средств и содержания литературного творчества: «революцию в литературе» РАПП ждал только «от рабочего».

[***] Там же.

писателей противоречило этой автономии и означало для ВАППа социальное самоубийство.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке организации писателей» от 23 апреля 1932 года констатировало, что за прошедшее десятилетие партия создала условия для вытеснения из литературы и искусства «чуждых элементов, особенно оживившихся в первые годы нэпа», когда «кадры пролетарской литературы были еще слабы», и что ЦК всемерно помогло «созданию и укреплению особых пролетарских организаций в области литературы». Однако сейчас, когда успели вырасти кадры пролетарской литературы и искусства, когда выдвинулись новые писатели и художники с заводов, фабрик, колхозов, «рамки существующих пролетарских литературно-художественных организаций (ВОАПП, РАПП, РАМП и др.) становятся уже узкими и тормозят серьезный размах художественного творчества». Решением ЦК пролетарские ассоциации, и с ними все остальные писательские объединения, включая ФОСП, были распущены. На повестке дня стало создание оргкомитета, которому было поручено созвать первый всесоюзный съезд писателей на свободных от групповщины основаниях. Оргкомитет составлялся от имени соответствующих литературных организаций. До созыва съезда ему поручалось руководство всеми существующими организациями писателей, а также и всей сетью созданных ВАППом кружков. Деятельность вновь созданного Оргкомитета СП СССР, включившего членов бывшего РАППа, завершилась Первым съездом советских писателей 17 августа — 1 сентября 1934 года, где одним из главных вопросов, наряду с обсуждением метода социалистического реализма, был вопрос о создании многонациональной советской литературы.

Таким образом, все попытки создания советской литературы в 1920-е годы были обречены на провал. Такие инструментальные по своей природе институции, как «Круг», ФОСП или ВОАПП родились преждевременно, недоношенными, «искусственно выведенными» укрепляющим свои позиции Отделом печати, равнодушным к литературным боям генеральным секретарем партии Сталиным и финансовым рынком, подтачивавшим перспективы директивного управления литературой.

История ФОСП и ВОАППа неразделима с историей конкурентной борьбы ВАППа за свою долю в символическом капитале, аккумулируемом новой советской культурой. Определенный успех, которого добился на этом пути ВАПП, действительно сумевший деинституализировать вошедшие в ФОСП организации, и создавший не отмеченный никакой яркой практической активностью ВОАПП, не был нужен ЦК. Причины такой незаинтересованности коренят-

ся в запросе на новую гетерономность* всего литературного поля, появившуюся в годы первой пятилетки, которую констатировала правовая комиссия ФОСП на заседании, посвященном вопросу авторского права 30 марта 1930 года: «Нас питал Нэп. Нэп умер. Умер фактически контрагент, который мог питать. Кто контрагент у автора? — государство. Частных авторских издательств нет. Следовательно, контрагентом является государство <...> это основание для того, чтобы перейти <с ним> на трудовые отношения»**.

Тем не менее литературные практики ВАППа оставили заметный след. Союз писателей унаследовал из этого опыта:

— социальный заказ, или «запланированную литературу», обеспеченную гарантированным потребителем: школами, библиотеками, рабочими кружками;

— установку на массового читателя, прежде всего, школьника и студента, с развитым институтом детской и юношеской литературы;

— настороженное отношение к классическому наследию, требующее института литературной критики и культуры идеологического комментирования;

— национальную политику, отвечающую идеологическим установкам и, одновременно, способствующую появлению новых национальных писательских кадров;

— организационное строение, повторявшее структуру ВОАПП;

— необходимость собственных изданий; собственного издательства; собственного вуза для выращивания новых кадров писателей и литературоведов; сохранение и поддержка с этой целью «низового писателя» в литературных кружках при заводах и фабриках;

— настороженное отношение к писательскому «таланту» и «кабинетному творчеству» — к автономии литературного производства в целом.

Постскриптум

«Специфику той или иной национальной культуры определяют именно абстрактные формы. Они-то и выполняют функцию отличительного знака той или иной культуры. <...> каждая нация продуцирует свое собственное определение культуры, предложенное ее писателями и историками»***.

---

* «Гетерономию порождает спрос, который может принять форму персонального заказа, сформулированного “патроном”» (см.: Там же).

** ОР ИМЛИ. Ф. 51. Ед. хр. 103. Л. 17.

*** *Эспань М.* История цивилизаций как культурный трансфер. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 53.

На всем протяжении первого советского десятилетия пролеткритика никогда не отказывалась от попыток «продуцирования определения культуры» Страны Советов как культуры пролетарской, трудовой, массовой, от усилий выработать общепролетарский литературный канон, что, однако, было доверено не «профессорам» от литературоведения, допущенным в журнал «На литературном посту» или Комакадемию, от Плеханова до Переверзева, от Луначарского до Плетнева, от Фриче до Берковского, а «верхушке» руководства ВАППа/РАППа. Это были теневые, но обладавшие перформативной институциональной мощью стратегии литературной политики, когда властью вапповского авторитета тот или иной писатель мог был зачислен в пролетарские классики, а другому было в этом отказано, и та или иная национальная форма литературы могла быть объявлена пролетарской, а другая была отвергнута как дворянско-буржуазная, патриархальная или попутническая.

Дискуссионная площадка созданного после постановления ЦК о роспуске литературных группировок Оргкомитета Союза советских писателей обеспечила условия для разбора результатов десятилетней борьбы ВАПП за общепролетарский литературный канон. Новыми операторами литературной политики стали профессор Комакадемии В. Кирпотин и журналист И. Гронский, впервые в практике литературоведческих дискуссий цитировавшие для подтверждения своих суждений классиков марксизма. Отсылки к Марксу и Энгельсу, которыми полны их речи конца 1932 года, представляют секретарей Оргкомитета привилегированными знатоками элитарных научных текстов, благодаря которым они получили право широкого и обобщенного толкования литературных процессов. На площадки Оргкомитета впервые формируется представление об образцовом для нового советского общества писателе, писателе-классике — Максиме Горьком:

> «У нас <...> не всегда умели даже в пролетарском литературном движении ставить вопрос об усвоении опыта художественности творчества Горького для развития нашей дальнейшей литературы. <...> Горький первый в нашей пролетарской литературе показал <...> выход <...> на светлый простор социалистического правопорядка. <...> Наша художественная литература во главе с Горьким <...> покажет, как растет и складывается новая жизнь на социалистических началах...»[****].

[****] ОР ИМЛИ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 91.

Благодаря Горькому советская литература освободилась от навязанного ВАППом культурного сиротства и национального «рассеяния» рабоче-крестьянской литературы. Культура СССР, наконец, определилась со своей «идентичностью». Исторический разрыв с прошлым был заполнен, построен мост, соединивший классическое национальное прошлое с общесоветским настоящим. Отказавшись от попыток кодификации пролетарской литературы как литературы нового социалистического государства, СССР в своем десятилетнем историческом существовании благодаря Горькому обрел культурную зрелость для разработки теории социалистического реализма — основания будущего пантеона советской классики.

Таким образом, в 1934 году «другой» институт с прямым, без посредников, типом отношений литератора и работодателя, был создан в виде гомогенного массового писательского союза — Союза советских писателей СССР, направляемого непосредственно Политбюро. Вместе с ним пали в Лету как ФОСП и ВОАПП, так и приватизировавший их РАПП, «генетический код» которых принадлежал к предыдущей эпохе. Однако созданные РАППом и отработанные им литературные практики и организационный опыт успешно хабитулизировались и послужили Союзу писателей СССР «унаследованным настоящим»[*] — долговечной матрицей для институционального развития.

[*] *Веблен Т.* Теория праздного класса. М., 2021. С. 213.